

А обстановка в мире тем временем накалялась, поражением левых сил в 1939 году закончилась гражданская война в Испании, в 1936 году Гитлер ввел войска в демилитаризованную Рейнскую область, в 1938 году произошел аншлюс Австрии, а в результате «Мюнхенского сговора» немцы оккупировали значительную часть Чехословакии. На Дальнем Востоке продолжалась японская агрессия в Китае. 1 сентября 1939 года нападением Германии на Польшу началась Вторая мировая война. Леман решается на рискованный шаг по восстановлению контактов с советской разведкой. В июне 1940 года он опустил в почтовый ящик советского полпредства письмо, адресованное «военному атташе или его заместителю». В письме агент предлагал немедленно восстановить с ним оперативную связь. «Если этого не произойдет, — писал он, — то моя работа в гестапо потеряет всякий смысл»⁵⁰. Однако пауза продолжалась до сентября, когда с источником встретился Александр Коротков (с ним мы еще встретимся на страницах этой книги), приехавший незадолго до этого в Берлин в качестве заместителя резидента НКВД. Непосредственным куратором Лемана стал молодой сотрудник резидентуры Борис Журавлев, незадолго до этого прибывший в Берлин после окончания Школы особого назначения, готовившей кадры для разведки. Именно тогда от Лемана поступило большое количество материалов о подготовке нацистской Германии к войне с Советским Союзом. Утром 22 июня 1941 года здание советского посольства было блокировано сотрудниками гестапо. Связь с Вилли Леманом была утрачена навсегда⁵¹.

К весне 1942 года советской разведке так и не удалось восстановить связь ни с одним своим агентом в Берлине. В мае 1942 года была предпринята попытка восстановления связи с многочисленной советской агентурой в Германии, для чего туда были направлены два советских разведчика, немца по национальности — Альберт Хесслер и Роберт Барт. По заданию Центра им предстояло установить связь

только с членами разведсети «Красная Капелла» (о ней расскажем ниже). О встрече с Леманом речь не шла. Однако в Москве уже был подготовлен материал, который мог потребоваться, если бы открылась возможность связи и с ним. К сожалению, гестаповцам удалось выследить советских разведчиков и они были арестованы. Все попытки гестаповцев склонить Хесслера к сотрудничеству закончились ничем, он погиб во время допросов. Однако другой разведчик Барт не выдержал пыток и выдал шифры для связи с Центром и согласился участвовать в радиоигре с Москвой. Впоследствии Барт утверждал, что 14 октября передал условный знак, означавший работу под контролем противника. К сожалению, по каким-то причинам этот знак не заметили или приняли его за технический сбой. Так или иначе, из Центра были переданы ориентировочные данные на Лемана, условия связи с ним и пароль. В декабре 1942 года Вилли Леман был арестован гестапо и казнен. При этом разоблачение Лемана не афишировали, в служебном вестнике гестапо было помещено извещение о том, что «криминальный инспектор Вилли Леман в декабре 1942 года отдал свою жизнь за фюрера и рейх»⁵². Интересно отметить, что В. Леман послужил одним из прототипов штандартенфюрера Штирлица из знаменитого кинофильма «Семнадцать мгновений весны»⁵³.

Рис. 2. В. Леман (1884–1942)

«Красная Капелла»

Достаточно широко известна советская разведывательная «Красная Капелла» (другое название «Красный Оркестр»). Так окрестили ее в 1941 году гитлеровские спецслужбы: на их жар-

гоне радист значился «пианистом», лидер — «дирижером», сама же разведсеть — Kapelle (по-немецки, в данном случае, «оркестр»). Руководил разведсетью Леопольд Треппер, профессиональ-

ный советский резидент, который обосновался в Париже под прикрытием главы корпорации «Симекс». Он родился 23 февраля 1904 года в городке Новы-Тарг близ Закопане (Польша, в то время эта территория входила в состав Российской Империи). При этом следует отметить, что коммерческая деятельность фирмы оказалась очень успешной. Филиалы компании открылись в Швеции, Дании, Норвегии, а затем в Италии, Германии, Франции, Нидерландах, Японии. Фирма приносила стабильный и довольно высокий доход. И это с учетом того, что затраты, связанные с деятельностью бельгийской, голландской и французской разведсетей, были включены в пассив фирмы. Деньги шли на подкуп немецких офицеров, представительские мероприятия (вкусная еда и хорошая выпивка многим развязывали языки) и, похоже, на содержание советских разведчиков в других странах: Треппер, к примеру, отправлял крупные суммы в Японию Рихарду Зорге. Насколько известно, «Красный оркестр» был единственной в истории мировой разведки сетью, которая находилась на полном самофинансировании. Многие отечественные и зарубежные источники дают весьма высокую оценку разведдеятельности Треппера. Приведем здесь лишь одну цитату: «он был гением разведки, продумывая все до мелочей, неустанно совершенствуясь. Не случайно позднее в рапорте Абвера, направленном руководству рейха, говорилось: „Весь опыт нашей работы на Западе в данном расследовании не пригодился. Русские блестяще организовали работу сети“. И главное, этот спокойный человек обладал необыкновенной жизненной силой, верой в правоту своего дела, которые притягивали людей, ободряли и успокаивали их»⁵⁴.

Разведывательная сеть насчитывала 300 агентов в Германии и других странах оккупированной Европы. По мнению западных историков⁵⁵ на Треппера работали ещё больше людей в Чехословакии, Великобритании, Греции, Австрии, Турции, Югославии — всего около 600 человек. Одни под видом коммивояжеров колесили по городам, другие содержали конспиративные квартиры, дома, пансионаты, третьи обеспечивали агентурную связь. По единодушному признанию специалистов, сведения, передаваемые Треппером, были разнообразны, точны и свидетельствовали о столь широком проникновении в немецкую среду, какого во время Второй мировой войны даже отдаленно не достигала ни одна из разведок союзников.

Так в феврале 1941 года Треппер отправил сообщение о точном количестве немецких дивизий, переброшенных из Франции и Бельгии на восток; в начале мая указал предполагаемую дату вторжения — 22 июня.

Разведчики из «Красной Капеллы» передали в Центр огромное количество ценнейшей информации, наиболее важными источниками были обер-лейтенант люфтваффе Харро Шульце-Бойзен («Старшина») и старший советник Министерства экономики Германии Арвид Харнак («Корсиканец»). Шульце-Бойзен, аристократ, внучатый племянник знаменитого адмирала Тирпица, был женат на внучке князя Филиппа фон Ойленбурга. А покровительствовал этой родовой и богатой чете сам Герман Геринг, который и устроил Харро на пост начальника отдела разведки министерства авиации. Доктор философии Харнак был советником в сфере использования сырьевых ресурсов министерства экономики. У советской разведсети были также ценные источники информации в министерстве иностранных дел, в контрразведке ВВС, в министерстве труда и пропаганды и др. Интересно отметить, что Шульце-Бойзен, работал в дешифровальной службе немецкого министерства авиации, у «Красной Капеллы» также имелись источники в армейской криптографической службе Германии, в частности Хорст Хейлман⁵⁶.

Это позволяло добывать для Центра ценную криптографическую информацию, вот лишь один пример.

«СООБЩЕНИЕ ЗАКОРДОННОГО АГЕНТА НКВД СССР „СТАРШИНЫ“ О ДАННЫХ, ПОЛУЧЕННЫХ 13 НОЯБРЯ 1941 г. ЧЕРЕЗ „КЕНТА“, О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГЕРМАНСКОЙ ВОЕННОЙ РАЗВЕДКИ

15 ноября 1941 г.

1. Начальник германской военной разведки адмирал Канарис за крупные деньги привлёк к работе в пользу немцев французского офицера Жау, начальника штаба генерала де Голля. Вербовка Жау была произведена в Португалии. Жау был также в Берлине и Париже. С его помощью немцами вскрыта система шпионажа генерала де Голля во Франции, где произведены крупные аресты, главным образом среди офицерского состава французской армии.
2. Немцами расшифровывается большая часть телеграмм, посылаемых англичанами правительству США.

3. Немцы имеют ключ ко всем шифртелеграммам, посланным в Англию из Москвы членами югославского представительства.

Верно:

Начальник 1-го Управления НКВД СССР ст. майор госбезопасности Фитин»⁵⁷.

Данное сообщение вызвало большой интерес у руководства советских органов безопасности. На документе имеются резолюция: «Сообщить срочно тов. Берия с указанием обстоятельств, при которых эти сведения получены. Меркулов 15/XI.», а также пометка: «Послана телеграмма т. Берия 16/XI. П. Журавлев.» (Журавлев Павел Матвеевич (1898–1956) — генерал-майор (1945). В 1941 г. — заместитель начальника 1-го отдела 1-го Управления НКВД СССР)⁵⁸. Занимались члены разведсети и технической разведкой. Так группа французских техников установила подслушивающие устройства в телефонные линии отеля «Лютеция», где находился парижский штаб Абвера (военной разведки и контрразведки). Были у Треппера агенты и на немецкой телефонной станции в Париже⁵⁹.

Одной из ключевых фигур «Красной Капеллы» был сотрудник ГРУ Анатолий Маркович Гуревич («Кент»). Он прибыл Бельгию в 1939 году, для конспирации путешествие проходило через ряд европейских стран и легализовался под видом бизнесмена из Уругвая Винсента Сиерра, вместе с Гуревичем в Бельгию прибыл и радист Михаил Захаров («Хемниц»).

В Бельгии Гуревич встретил Маргарет Барча, дочь богатых чешских евреев, владевших в Брюсселе крупной экспортно-импортной фирмой. Молодые люди полюбили друг друга и вскоре поженились при этом Маргарет до последнего своего дня понятия не имела, кем в действительности был ее супруг.

Когда в мае 1940 года немцы оккупировали столицу Бельгии, родители Маргарет были вынуждены покинуть страну, а фирму, ее клиентов и поставщиков, как и счета в банке, передали дочери и её мужу. Таким образом «уругвайский бизнесмен» стал владельцем АО «Симекско», как было отмечено выше, послужившей прикрытием для работы советской разведывательной сети.

Гуревич становится заместителем руководителя советской разведсети Л. Треппера и занимается координацией работы агентов, обеспечением финансами и организацией радиосвязи. Вследствие чего коллеги, в отличие от Треппе-

ра — «Большого шефа», стали теперь называть Кента «Маленький шеф».

Со связью имелись большие проблемы, раньше она осуществлялась через советские представительства, однако в 1940 году после немецкой оккупации Бельгии и других стран Европы этот канал связи был нарушен. Гуревичу пришлось организовывать радиосвязь с Центром и обучать радиоделу и шифрованию других участников «Красной Капеллы» и не только её. В 1940 году по заданию Москвы Гуревич выезжает в Швейцарию для обучения радиоделу, шифрованию и передачи ключей и паролей Шандору Радо. О деятельности этой советской разведгруппы мы расскажем ниже. Здесь же отметим, что швейцарская группа передала Гуревичу информацию о том, что в Альпах идет усиленная подготовка к войне с Россией немецких горно-стрелковых частей. Также сообщалось, что высокопоставленные немецкие дипломаты, практически открыто, говорят, что нападение на СССР состоится в мае–июне 1941 года. Советскому разведчику также удалось и другую информацию о подготовке Германией войны против СССР. Это были сведения о переброске отборных немецких дивизий на советско-польскую границу, их номера, состав и вооружение, др. При этом в условиях надвигающейся войны Москва требовала от разведчиков как можно больше сведений. Радиодонесения передавались почти каждый день по несколько часов подряд. Опасностью пленгации пренебрегали из-за желания передать в Центр как можно больше информации. После нападения 22 июня 1941 года Германии на СССР и закрытия легальных советских представительств на территориях подконтрольных немцам, радиосвязь стала единственным способом передачи развединформации в Центр. И сразу Москва потребовала от «Красного оркестра» информацию о планах немцев. Вскоре радиопередатчики заполнили эфир, почти непрерывно передавая пятизначные группы шифртекстов. Постоянное гудение, издаваемое радиопередатчиками, прозванными немцами «музыкальными шкатулками»⁶⁰.

С июля 1940 года связь с «Красной Капеллой» осуществлял заместитель резидента НКВД в Германии Александр Михайлович Коротков. В марте 1941 года Коротков получил от Харнака, Шульце-Бойзена и других немецких источников информацию о скором нападении Германии на СССР и передал её в Центр. В связи с этим Коротков начал проводить мероприятия для под-

готовки агентов к самостоятельной связи с Москвой. С разрешения Центра Коротков передал советским агентам из числа немцев во главе с Шульце-Бойзенем и Харнаком радиоаппаратуру и шифрблокноты. 22 и 24 июня 1941 года Короткову удалось выбраться из заблокированного немцами здания советского посольства и встретиться с Шульце-Бойзенем и Харнаком, он передал им уточненные инструкции по использованию радиошифров и значительную сумму денег (20 000 марок)⁶¹.

В этой дерзкой операции принял участие первый секретарь советского посольства в Берлине Валентин Бережков. Ему удалось найти «подход» к начальнику охраны советского посольства офицеру СС Хейнеману. Путем «неформальных вечеринок» с употреблением алкоголя, а также прямого подкупа, Бережкову удалось уговорить Хейнемана вывезти на своей машине некоего сотрудника посольства, у которого якобы был роман с немецкой девушкой, и который хотел с ней попроситься. Автомобиль остановился у ближайшей станции метро, Коротков спустился в подземку и вскоре встретился с членом «Красной Капеллы» Элизабет Шумахер, которой передал рацию, инструкции по использованию шифра, ключевую информацию и деньги⁶².

Не смотря на принятые меры передатчиков дальнего радиуса действия, а так же профессиональных радистов и техников не хватало. И Треппер со своими людьми достали детали и переоборудовали старые радиостанции, проводилось и обучение радиоделу некоторых членов сети.

В октябре 1941 года Гуревич получил задание выехать в столицу Германии для восстановления связи с основными немецкими источниками «Красной капеллы» Шульце-Бойзенем, Штебе и Кукхофом. Для этого Гуревич получил из Москвы зашифрованную радиogramму, в которой перечислялись все адреса, явки, пароли, по которым можно было связаться с нашими немецкими источниками. Конечно, это было крайне неосмотрительно и в последствии сыграло печальную роль в судьбе немецких антифашистов. Вообще работа нелегальной советской разведки в Европе была сопряжена с огромным риском, так радисты были вынуждены вести передачи еженощно по пять часов подряд, хотя потом стало известно, что иногда 20-минутной передачи хватало для пеленгации радиоточки немцами. Более того, волны, на которых они работали и позывные не менялись в течение двух

лет. Но, увы, тяжелая обстановка первых месяцев войны вынуждала идти на риск, в дни когда решалась судьба страны, Центру как воздух была нужна информация из логова врага.

Тем не менее, пока всё шло хорошо. «Уругвайский бизнесмен», имевший благодаря своей фирме все необходимые пропуска, выехал в столицу Германии. Гуревич встретился с Х. Шульце-Бойзенем и его радисткой, которым передал радиостанцию и шифры для связи с Центром. В свою очередь от немецких источников была получена ценнейшая информация. «Она раскрывала истинные потери вермахта, сообщала о нехватке горючего для танков, самолетов и автомашин. А главное, раскрывала дальнейшие планы гитлеровского командования. Оно, как сообщил в „контору“ Гуревич, намерено нанести удар в направлении Кавказа, для овладения советскими нефтяными промыслами»⁶³.

Увы, немецким спецслужбам удалось пресечь деятельность «Красной капеллы». Уже в начале Второй мировой войны немцы активно использовали радиопеленгаторы. С их помощью им удавалось установить местоположение передатчиков антифашистских групп, работающих на СССР. Это приводило к разгрому этих групп и гибели советских разведчиков. Таким же образом они выявляли дислокацию партизанских отрядов (имевших связь с «большой землей») диверсионно-разведывательных групп Красной Армии и отдельных разведчиков, находящихся на оккупированных территориях.

Один из историков США Д. Даллин замечает: «Немецкая контрразведка и гестапо, радиоподслушивающие службы которых в 1941 году перехватили до пятисот зашифрованных радиogramм, знали о существовании советской шпионской сети в Западной Европе. Коды и шифры этих сообщений были настолько великолепно продуманы, что даже лучшим немецким дешифровальщикам и специалистам не удалось прочитать ни одной из них. Они уважительно относились к изощренности действий и технического оснащению советской агентурной сети»⁶⁴. Поэтому упор в деле дешифрования был сделан на агентурно-оперативные действия контрразведки фашистской Германии и работу радиопеленгаторов.

Первая криптограмма «Красной капеллы» была перехвачена 26 июня 1941 года подразделением немецкой службы радиоперехвата, расположенном в населенном пункте Кранце (Восточная Пруссия). Было раннее утро, сонный

немецкий радист услышал сигналы, принадлежность которых он не сумел определить. Ему были знакомы позывные многих агентурных радиостанций, действовавших на территории Европы, однако этот передатчик, несколько раз повторивший позывной «РТХ», он слышал впервые. Около трех часов пятидесяти минут утра неизвестная рация передала в эфир радиogramму. «KLK из РТХ 2606 0330 32WES N14KBV...», а дальше последовали тридцать две пятизначные группы цифр, заканчивавшихся подписью «AR 50 385 KLK из РТХ...». Несколько дней подряд немецкие радиоразведчики следили за передачами радиостанции с позывным «РТХ», вскоре им удалось определить, что передающая станция находится где-то к юго-западу от германо-советской границы. Вскоре немецкие специалисты перехватили передачи станции, отвечавшей «РТХ». Удалось определить местонахождение этой станции: где-то рядом с Москвой. Вскоре немцам удалось зафиксировать работу еще нескольких радиопередатчиков, использовавших сходные шифры. И им также отвечала радиостанция, расположенная под Москвой. Вскоре было установлено, что одна из станций с позывными «РТХ» находится в Брюсселе, а другая — в Париже. В последующие две недели в эфир один за другим выходили все новые радиопередатчики с территории Франции, Бельгии, Нидерландов и наконец в самом Берлине! И всем им отвечала Москва. За два месяца немцы, к своему удивлению, записали 250 таких «концертов». Именно тогда в Абвере все эти станции окрестили «Die Rote Kapelle», что в переводе означает «Красная капелла». В июле 1941 года в Москву стали передавать сообщения три радиопередатчика из нейтральной Швейцарии, которые получили у немцев название «Красной тройки».

Эту и последующие радиogramмы дешифровать не удалось, при этом немцы испытывали технические проблемы, у них имелось всего 6 радиопеленгаторов дальнего действия, что было явно недостаточно для слежения за работой многочисленных передатчиков агентов советской и английской разведок, действующих на территории Германии и оккупированных ей государств.

Вскоре информацию о работе радиостанций советской агентуры в Европе получили руководитель Абвера адмирал Канарис, глава имперской службы безопасности Гейдрих, а вскоре узнал об этом и сам Гитлер. Фюрер был разгневан, особенно его возмутил тот факт, что

советские разведчики действуют в его собственной столице. Немецким спецслужбам в оккупированных странах Западной Европы и самой Германии, было приказано любой ценой выйти на след неизвестных «пианистов», шифр которых оказался «не по зубам» лучшим немецким криптоаналитикам. Гитлер созвал особое совещание. Была создана специальная зондеркоманда во главе с асом своего дела Карлом Гирингом, в которую вошли самые опытные сотрудники Абвера и гестапо. Десятки операторов круглосуточно прослушивали эфир, записывая сообщения с таинственными позывными, дешифровальщики работали над криптограммами, по улицам Берлина, Антверпена, Брюсселя кружили автофургоны, напичканные лучшими в мире радиопеленгаторами⁶⁵.

В октябре 1941 года немецким специалистам удалось выяснить, что перехваченные радиogramмы были отправлены в СССР. В декабре 1941 году немецкая контрразведка путем радиопеленгации обнаружила в Бельгии советскую разведгруппу из сети «Красной Капеллы».

Вот как о том, что произошло дальше, пишет Д. Кан: «13 декабря отряд солдат, неслышно ступая сапогами, поверх которых были надежды носки, бесшумно поднялся на второй этаж дома 101 по улице Аттребатов в Брюсселе. Они ворвались в одну из комнат и арестовали там радиста-шифровальщика Михаила Макарова — лейтенанта советских ВВС, родственника министра иностранных дел Вячеслава Молотова. Одновременно были арестованы два других советских агента (это были радисты-поляки Софи Познанская и Давид Ками. — *Авт.*). В этот момент в доме появился Треппер. Он разговаривал с невероятным апломбом и, выдав себя за продавца кроликов, ловко сумел избежать ареста»⁶⁶. Треппер приказал бельгийской группе лечь на дно, оборвав след, ведущий к «оркестру».

Несмотря на применение пыток получить какую-либо информацию от задержанных не удалось. Однако в камине немцам удалось обнаружить обугленный лист бумаги с цифрами. Было件нятно, что это шифр, немецкие криптоаналитики принялись за работу. А тем временем немцы захватили еще два центра связи. При обысках и арестах им удалось выяснить, что использовался книжный шифр. При этом они обратили внимание, что на обнаруженном листке имелась слово, написанное на французском языке, это было имя литературного героя «Проктор», которое повторялось в книгах, за-

хваченных в разных местах. Немецкие контрразведчики обнаружили и книгу-ключ, ею оказался научно-фантастический роман французского писателя Ги де Терамона «Чудо профессора Вальмара», на 286 странице которого был упомянут тот самый Проктор. Благодаря этому было дешифровано 120 шифросообщений «Красной капеллы».

Большинство шифров «Красной Капеллы» были основаны на использовании тех или иных книг с дополнительной перешифровкой. Так, например, вторым и основным шифром группы Л. Треппера являлся роман О. Бальзака «Тридцатилетняя женщина». Дважды зашифрованные таким образом, советские криптограммы почти не поддавались взлому. И все же у них было одно слабое место: попади в руки противника ключевое слово или даже сама книга, и вопрос дешифрования становился делом времени. Что мы и видели в случае провала радистов в Бельгии на улице Аттребатов⁶⁷. Анализ дешифрованных данных позволил предположить об источниках их появления. Так среди дешифрованной информации оказались сведения о наступлении немецких войск на Кавказе, сведения о состоянии люфтваффе на Восточном фронте и не только, советское руководство получило информацию о производстве самолетов в Германии, технических характеристиках нового истребителя фирмы «мессершмитт» (возможно речь идет о реактивном Me-262. — *Авт.*). Разведчики сообщали в Москву о наступательных планах вермахта, о том, сколько топлива и боевой техники производилось в Третьем рейхе, как они распределялись, каков был численный состав соединений и частей и где они дислоцировались. Поставлялась информация о потреблении горючего и других средств МТО, потерях, планах немцев относительно Ленинграда, о времени и координатах выброски парашютных десантов, о создании синтетического горючего, немецких внешнеполитических инициативах, внутренней оппозиции нацистскому режиму, перемещениях немецких войск вдоль реки Днепр и т. д. Глава Абвера адмирал Канарис в 1943 году воскликнул: «„Красный оркестр“ стоил Германии 200 тысяч солдатских жизней!»⁶⁸.

Центр высоко ценил поступающую информацию вот лишь один пример запроса из Москвы, адресованного «Красной Капелле».

«Жильберту (еще один вариант псевдонима Треппера. — *Авт.*) от Директора (псевдоним Центра).

Проверьте, действительно ли Гудериан (Гудериан Хайнц — немецкий генерал танковых войск. — *Авт.*) собирается прибыть на Восточный фронт. Под его ли командованием находятся 2-я и 3-я армии? Доложите о 26 бронетанковых дивизиях, которые формируются во Франции»⁶⁹.

Кстати «Красная капелла» сообщила, что у немцев есть копия советского дипломатического кода, захваченного финнами в Петсамо, о котором говорилось выше. Кстати одним из тех кто раскрыл шифр советской разведсети был талантливый немецкий дешифровальщик доктор Ленц, который был знаком с этим кодом⁷⁰.

Но все имена и другая информация о действовавших на территории Европы разведчиках, упомянутых в этих сообщениях, была дополнительно закодирована (использовались псевдонимы, условные наименования и т. п.), а три арестованных на улице Аттребатов агента не хотели дать о них информацию. Немецкая служба радиоконтрразведки удвоила усилия.

С провалом 13 декабря связан ещё один эпизод. С 1919 по 1943 годы функционировал союз коммунистических партий разных стран, известный как Коммунистический Интернационал (Коминтерн). Руководили этой организацией из СССР. С 1935 по 1943 год генеральным секретарем Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала (ИККИ) был видный деятель болгарского и международного коммунистического движения Г. Димитров (1902–1949)⁷¹. С момента своего образования, секретариат ИККИ вел обильную зашифрованную переписку (связь осуществлялась по радио) с представителями зарубежных компартий. В недрах Коминтерна фактически существовала своя шифровальная служба⁷². В годы Второй мировой войны Коминтерн руководил борьбой коммунистов против фашизма в странах, оккупированных гитлеровцами, а также их разведывательной деятельностью в интересах СССР. Коммунистическое подполье в Европе довольно часто взаимодействовало с советскими разведсетями. Вот что об этом пишет российский историк Фридрих Фирсов: «Через Коминтерн пересылались директивы агентуре советской разведки. Радиостанции и пункты связи ИККИ передавали также информацию от разведчиков в центр и принимали указания от „Директора“ (начальника военной разведки) его людям. Руководство разведки снабжало Димитрова сведениями, касавшимися компартий»⁷³.

14 декабря 1941 года представителю Коминтерна во Франции Эжену Фриду (псевдоним «Клеман») от Г. Димитрова поступила шифровка следующего содержания: «Установите через вашего человека или, если возможно, непосредственно связь с человеком наших друзей (представителем советской разведки, предположительно Треппером или кем-то из участников «Красной Капеллы». — *Авт.*) Назначается явка на девятнадцатое и запасная на двадцать первое декабря около кинотеатра „Ангора“ у главного входа с площади в 16 часов. Человек друзей будет курить трубку и держать в руках журнал „Берлин — Рим — Токио“. Он будет держать в руках коричневый портфель и одет во всё коричневое: палка, шляпа, костюм, перчатки. Явившийся на свидание ваш человек должен держать в руках такой же журнал „Берлин — Рим — Токио“, в зубах держать трубку, которую не курит. Ваш человек спрашивает у человека друзей спички, тот берет зажигалку, которая не имеет бензина, и потом спички. Человек друзей спрашивает у вашего человека, не знает ли он, что за фильм идёт в кино „Метрополь“. Он получает ответ: „La femme“. Получение подтвердите»⁷⁴. Как видим тут весь арсенал премудрости разведчиков — условный язык и сигнализация, многоуровневая аутентификация и т. д. Но всё оказалось напрасным, по видимому из-за ареста в на улице Аттребатов на встречу никто не пришёл. В Мо-

скву полетела шифровка от «Клемана»: «Лично явился на запасную явку, строго соблюдая все Ваши указания. Никто не пришёл»⁷⁵. Информация об этом была доложена руководству ГРУ. Фотокопии этих писем представлены на рис. 3 и рис. 4. соответственно⁷⁶.

После провала радиостанции в Брюсселе и своего мелодраматического побега Треппер срочно уехал в Париж, он также немедленно предупредил остальных членов «Красного оркестра» о провале. 14 декабря Г. Димитров посылает шифрованную радиограмму одному из лидеров французских коммунистов Андре Иву (псевдоним «Дюкло») с поручением установить связь с Треппером: «Согласны, чтобы товарищ Лео (очередной псевдоним Треппера. — *Авт.*) связался с нашими друзьями для оказания им необходимого содействия»⁷⁷. Но опасаясь дальнейших провалов Треппер и его люди тогда не вышли на связь с французскими коммунистами.

Контакт был установлен лишь по прибытии Треппера в столицу Франции в декабре 1941 года. Руководство советской военной разведки активно использовало канал связи Коминтерн — ФКП (действовавшая в подполье французская коммунистическая партия). Сам Треппер позднее вспоминал, «что наиболее важные сообщения посылал через партийную линию связи»⁷⁸. Тексты этих сообщений в архивах Коминтерна отсутствуют, однако сохранились упоминания

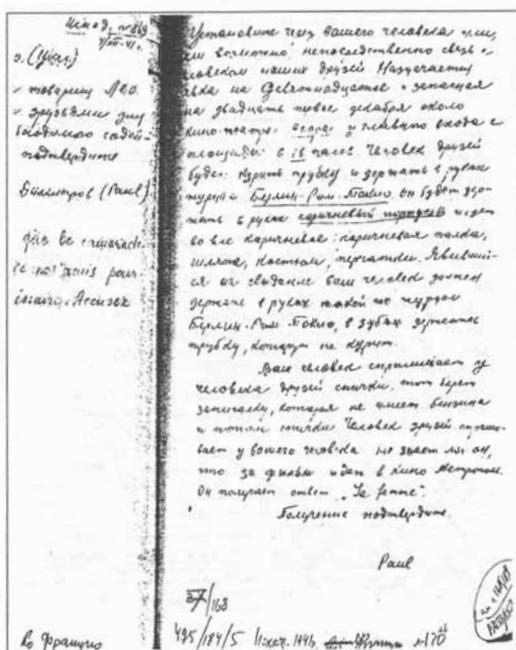

Рис. 3. Указание Г. Димитрова Э. Фриду об организации встречи с сотрудником советской военной разведки.

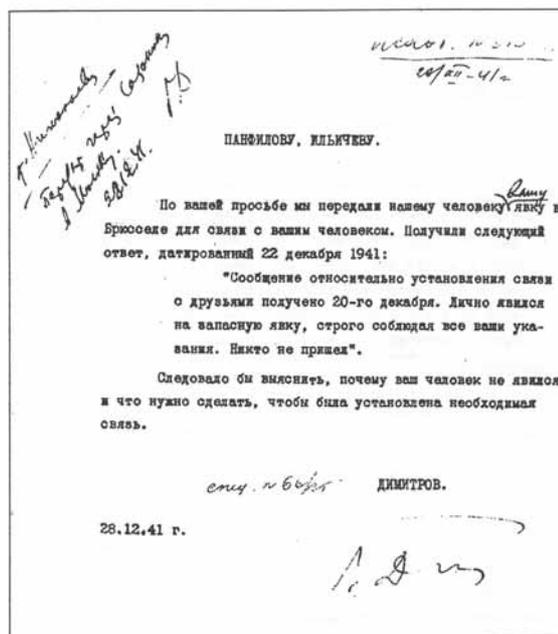

Рис. 4. Письмо Г. Димитрова руководству советской военной разведки.

о данных фактах французских коммунистов в сопроводительных документах о пересылке подобных телеграмм из Франции зимой 1942 года, а так же шифровка Ива: «Ниже мы передаем сообщение Отто (ещё один псевдоним Треппера. — *Авт.*), известного нам под именем Лео. Просьба срочно передать руководству Разведупра»⁷⁹.

Действовал коминтерновский канал связи и в обратном направлении. В архивах Коминтерна сохранилось несколько обращений советских разведчиков к руководству ИККИ, датированных февралем–мартом 1942 года об использовании партийных радиостанций для связи с «Красной Капеллой». Вот типичный пример такой просьбы: «Направить шифрованную телеграмму по Вашей рации в Париж в адрес Отто»⁸⁰. Чуть позднее в сентябре Разведуправление дважды обращалось в Коминтерн с подобными просьбами, 1 сентября: «При сём препровождаю одну шифровку, которую прошу передать через Вашу радиостанцию в Париж с припиской „Для службы Лео“. Телеграмма является очень срочной, направляется нашему работнику Отто. Приложение: Шифрограмма № 12378 на 49 гр. (здесь и далее указано сколько телеграмма содержит пятизначных групп шифртекста. — *Авт.*). Только адресату»⁸¹.

9 сентября: При сём препровождаю три шифровки, которые прошу передать через Вашу радиостанцию в Париж с припиской «Для Лео». Телеграмма является очень срочной, направляется нашему работнику Отто. Приложение: Шифрограммы № 12863 на 292 гр., № 12864 на..., № 12861 на 119 гр. Только адресату»⁸². В ответ в Центр полетело донесение: «Сообщения Отто (имеется ввиду для Треппера. — *Авт.*) переданы по назначению»⁸³. Тексты указаний из Центра также отсутствуют.

Вместе с тем были приняты меры по восстановлению собственной связи европейской резидентуры. «Курьеры доставили из Москвы новые ключи, и вскоре „Красный оркестр“ „заиграл“ с удвоенной силой»⁸⁴.

Однако и немецкая контрразведка не сидела без дела. Фашистская служба радиоперехвата внимательно слушала радиообмен «Красной Капеллы» И хотя криптограммы оставались нешифрованными, их источник можно было попытаться запеленговать. Это произошло 9 июня 1942 года в окрестностях Парижа, в городке Мезон-Лаффит, где располагалась радиостанция под кодовым названием «Оскол», которую обслуживали супруги Мира и Герш

Сокол (коммунист, уроженец России). Именно на эту станцию легла основная нагрузка по передаче разведсообщений «Красной Капеллы». При этом самодельная аппаратура не позволяла иметь прямую связь с Центром, сообщения передавались в Лондон, а уже оттуда ретранслировались в Москву. Из-за большого объема информации, который советские разведчики передавали в Центр, Герш сидел за рацией порой по 16 часов подряд, очевидно это и стало причиной провала. Гестаповцы вломились в дом к советским разведчикам и арестовали их. Герша и Миру изошренно пытали несколько дней, они погибли, но не назвали не одного имени»⁸⁵.

Немецкая служба радиоперехвата в поисках остальных вражеских раций удвоила усилия. Ведь только запеленговав станции и схватив радистов, можно было рассчитывать, что ценой пыток и предательства удастся пробиться через броню советского шифра. Увы, вскоре немцев ждал крупный успех.

В июне 1942 года, после провала парижской рации Треппер решил расконсервировать один из брюссельских передатчиков. Немцы запеленговали его, и 30 июня зондеркоманда арестовала радиста бельгийской резидентуры Иоганна Венцеля. Венцель был членом компартии Германии с 1923 года, с советской разведкой сотрудничал с 1934, в 1942 году он работал под руководством резидента Ефремова (псевдоним «Паскаль»). Венцель был крупным специалистом по радиоделу, за отличные знания в области радиотехники он получил прозвище «Профессор». Он был схвачен рядом с еще «теплым» радиопередатчиком. Венцелем занялось гестапо, и дело, начавшееся с психологической встряски от ареста, довершили жестокие пытки. Венцель попытался покончить жизнь самоубийством, а когда это не удалось вынужден был согласиться работать на немцев. Широкая осведомленность «Профессора» о системе шифрованной связи советских агентов позволила немецкой радиоразведке прочесть ранее перехваченные криптограммы «Красного оркестра». В одном из сообщений почти годичной давности немцам удалось обнаружить настоящие адреса Шульце-Бойзена, Харнака и других немецких антифашистов. Это был прямой путь к их гибели. Здесь речь идет о вышеупомянутой телеграмме Гуревичу, переданной из Москвы в Брюссель в октябре 1941 года. Выдал Венцель и Ефремова, который также был арестован и после применения жестоких пыток согласился сотрудничать с немцами.

Некоторое время в Центре не знали, что радиogramмы Венцеля и Ефремова являются частью радиопрограммы начатой немецкими спецслужбами. Фашистские контрразведчики ликовали! В конце августа гестаповцы взяли и берлинскую группу — Шульце-Бойзена, Харнака и еще 116 человек (после жесточайших пыток трое покончили с собой, пятеро умерли, 49 человек, в том числе Шульце-Бойзен и Харнак, были казнены). Однако Треппер всё ещё был неуловим, хотя Гитлер потребовал, чтобы рейхсфюрер Гиммлер ежедневно докладывал ему об этом деле. Кстати отметим, что Венцелю позднее удалось бежать из нацистских застенков. В январе 1945 года он был переправлен в СССР, где арестован и осуждён на 10 лет, освобожден в 1954 году, после чего вернулся в Берлин. Умер он 2 февраля 1969 года⁸⁶. Потеря агентов в Германии была не единственной для «Красной Капеллы». В Нидерландах действовала разведгруппа ГРУ «Гильда». Её возглавлял Антон Винтеринк (псевдоним «Тино»). Помощником «Тино» был Адам Нагель (псевдоним «Вело»), а связь с брюссельской резидентурой осуществлял Морис Пепер (псевдоним «Вассерман»). Группа имела собственную радиосвязь с Центром, но из-за технических проблем для передачи и приёма радиogramм часто использовалась аппаратура пункта связи Коминтерна, которым руководил Гулоз. Вот лишь один пример, 7 февраля 1942 года из ГРУ для Димитрова поступило письмо следующего содержания: «Через Вашего человека в Голландии послать нашему агенту Тино следующий текст: „Музыку Тино слышали (здесь речь идет о шифрованных сообщениях. — *Авт.*), но связь из-за помех не установлена. Тино с помощью Германа (один из псевдонимов И. Венцеля. — *Авт.*) или людей-специалистов Гильды проверить музыку и обязательно установить связь с Центром. Сообщите положение Вело. Нужно ли сменить музыкальную программу (то есть ключи к шифру. — *Авт.*)“»⁸⁷. Это сообщение было передано Гулозу, а следом через него было передано указание «сообщить диапазон волн передатчика и приёмника, а также о возможности работы днём или утром. Давались сведения о диапазоне волны московской передачи и предписывалось обязательно вести и принимать передачу в каждое 2, 9, 12, 17, 23 и 28 число месяца»⁸⁸.

Увы, Ефремов выдал на допросе Пепера, тот согласился сотрудничать с немцами и отправился в Амстердам. Из-за этого немцам удалось арестовать Винтеринка, который под воздействи-

ем пыток дал согласие на участие в радиопрограмме с Москвой⁸⁹.

20 августа Гулоз шифрованной радиogramмой сообщил Димитрову об аресте Винтеринка и четырёх его сотрудников, из всей резидентуры скрыться от немцев удалось только Нагелю. При этом он высказал предположение, что немецкие спецслужбы из показаний арестованных узнали о существовании в Нидерландах ячейки Коминтерна. Гулоз не ошибся, немцы предприняли попытку внедриться в организацию голландских коммунистов. По этому поводу в Центр была отправлена очередная шифррадиogramма: «В Амстердаме явился человек, который заявил, что он должен сотрудничать по связи с Москвой. Его связи в Амстердаме Тино и Вело. Его имя для тебя Вассерман, а во Франции его имя Адлер. Он сообщил, что нужно звонить в Антверпен по номеру 91821 и спросить г[осподи]на Джек. Пароль „Когда наша следующая встреча?“. У нас такое впечатление, что за этим стоит гестапо»⁹⁰. Тем временем в Москве и по другим каналам получили сведения об измене Пепера и в Голландию было направлено предостережение: «Сообщаем вам, что Вассерман известный нам, но он арестован гестапо. Поэтому человек, который явился к вам от его имени — это провокатор. Прекратите всякую связь с людьми, к которым приходил Вассерман. Вы лично и ваше окружение ни в коем случае не связывайтесь без нашего разрешения. Также прекратите всякую связь с людьми, которые вам сообщали о Тино. Будьте осторожны, если нужно перемените квартиру, явки и связистов. Информировать нас, где арестован и в какой тюрьме находится Тино»⁹¹. В ответ Гулоз радиовал в Центр: «Тино, арестованный в Амстердаме, теперь находится в военном лагере в Брюсселе»⁹². Эта информация немедленно была передана из ИККИ в ГРУ.

При этом следует отметить, что голландские коммунисты сотрудничали не только с ГРУ, но и с советской внешней разведкой. 22 июня 1942 года на территорию Нидерландов был заброшен с парашютом советский разведчик Ян Кройт (псевдоним «Герман»). Из-за технических проблем связь с Центром установить не удалось и руководство советской разведки обратилось за помощью в Коминтерн, где естественно пошли навстречу. На связь с Кройтом вышел запасной радист группы Гулоза Ян де Лаар, который передал советскому разведчику радиостанцию.

Участвовали голландские коммунисты в операциях советской разведки, проводимых

на территории Нидерландов и позднее. Осенью 1942 года в Москве решили направить своего агента в Германию через территорию Голландии. План был такой: с английского самолета на парашюте сбрасывается советский разведчик, группа Гулоза встречает его и переправляет в Берлин, при этом руководство ИККИ во главу угла ставило вопросы безопасности голландских товарищей. Димитров направил Гулозу шифровку такого содержания «Повторяем, если это рискованно для вас, то мы отменим это мероприятие»⁹³. Гулоз посчитал проведение операции возможным, и начальник советской разведки П. М. Фитин передал Гулозу через Димитрова вопросы по организации условной сигнализации и паролей при встрече парашютиста. 8 ноября 1942 года в Амстердам полетела очередная зашифрованная радиogramма: «1. В каком месте должен быть выброшен т. Л.? (условный псевдоним агента. — Авт.). Не могут ли голландские товарищи для точности выброски просигнализировать самолету карманным фонарём? Пусть сообщат, какой будет сигнал. Необходимо твёрдо договориться о сигналах, с тем, чтобы дать указание штурману самолета не производить выброски, если сигналов не будет. Куда и по какому паролю должен пойти Л., если он по каким-либо причинам не найдет встречающих его товарищей, будучи отнесен ветром слишком далеко от сигналов? 2. Как скоро голландские товарищи смогут провести Л. в Германию снабдив его там явками? Как будет организован переезд по Голландии, переход границы и проезд по Германии, учитывая, что Л. не знает голландского языка и должен взять с собой небольшую портативную рацию? Тов. Л. будет иметь голландское удостоверение личности и немецкие документы, оправдывающие его посещения Голландии»⁹⁴. От себя Димитров добавил в шифровку сведения о парашютисте: «Кличка этого товарища Франц. Его приметы: средний рост, коренастый, волосы рыжеватые, коротко остриженные, лицо румяное, возраст около 40 лет. Он обратится с паролем: „Я Франц из Франкфурта-на-Майне“. Ваш человек отвечает: „Мы братья Ланге из Граца“. Франц будет иметь голландское удостоверение личности и немецкие документы, оправдывающие его посещения Голландии. Ваша задача будет временно укрыть его у вас и организовать его отправку с соответствующей явкой и паролем в Берлин»⁹⁵.

В конце ноября 1942 года на голландскую территорию был сброшен советский разведчик

Пётр Кузнецов. Как отмечалось выше, далее его планировалось направить в Берлин. Однако после арестов немецких антифашистов голландцы потеряли все связи с Германией. В связи с этим Гулоз отправил в Москву зашифрованную радиogramму, в которой предложил, чтобы «Франц» остался в Нидерландах и работал вместе с Кройтом. Центр предложение голландских коммунистов принял, Кузнецов был назначен руководителем группы и установил прямую радиосвязь с Москвой. Кройта же познакомили с Кузнецовым так, что он не знал ни фамилии ни адреса последнего. Советские разведчики начали активную работу, при этом зашифрованные указания из Центра советским разведчикам передавались через Гулоза, при этом некоторые послания расшифровать не удалось (очевидно, из-за помех в канале связи или ошибок шифровальщиков). На территорию Нидерландов для советских разведчиков и голландских коммунистов сбрасывались различные грузы (радиостанции, запасные части к ним, батареи для питания, деньги, немецкие продовольственные карточки и пр. При этом в шифрпереписке голландцев с Москвой уделялось большое внимание организации световой сигнализации и условных знаков при сбросе парашютных контейнеров с ценным имуществом. Вот лишь один пример послания из Центра от 7 апреля 1943 года: «подача сигналов белыми фонарями в трёх пунктах по треугольнику на расстоянии 50 метров точка от точки (один из сигналов должен быть мигающий) или расположенных по прямой линии 100 метров в направлении ветра. Последний сигнал по ветру должен быть мигающий. Если условия приемлемы, сообщите подходящее для вас число выброски. Если указанная сигнализация не приемлема, сообщите, что Вы можете дать максимально по сигнализации»⁹⁶. К сожалению 28 июля 1943 года П. Кузнецов и Я. Кройт были схвачены гестапо, в последствии Кузнецов покончил с собой. Что касается группы Гулоза, то она продолжила свою работу.

Теперь вернёмся к деятельности «Красной Капеллы». После провала бельгийской резидентуры угроза нависла и над Гуревичем. Он с женой сумел уехать в Париж, потом — в Марсель. Но документы сменить было невозможно, и 10 ноября 1942 года французская полиция передала его и жену в руки гестапо. Хотя к Гуревичу, в отличие от других членов разведгруппы не применялись пытки. Гестаповцы даже разрешали иногда ночевать в одной камере с женой,

хотя и под присмотром охранников. Но очень четко дали понять, что от согласия на сотрудничество зависит не только его собственная жизнь, которой он вправе распорядиться, как пожелает, но и жизнь других людей. В том числе и любимой женщины. А через некоторое время сообщили, что «от его имени» в Центр идут телеграммы самого разного содержания. «Для Москвы вы, как ни крути, уже предатель», — сказал Анатолию высокопоставленный сотрудник гестапо⁹⁷.

Тогда же взяли Максимовичей, также участников советской разведсети, как видим провал следовал за провалом. Тем временем Треппер, переправив еще не арестованных агентов на запасные квартиры, а их близких к надежным людям в провинцию, решил «умереть»: знакомый врач выдал ему свидетельство о смерти Жана Жильбера, уже было заказано место на кладбище и надгробие. Но прежде Леопольд решил подлечить зубы и записался к дантисту, где его и арестовали 24 ноября 1942 года. Сияющий Гириг (он уже успел позвонить в Берлин и получить благодарность от Гитлера и Гиммлера) в присутствии специально прибывшего из Германии главы гестапо Генриха Мюллера начал первый допрос.

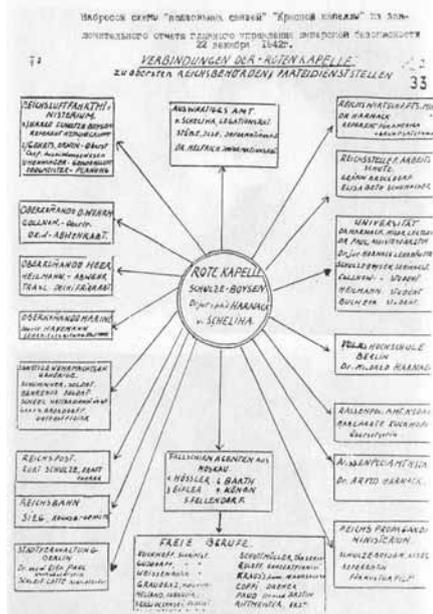

Рис. 5. набросок связей «Красной капеллы» сделанный сотрудниками гестапо 22 декабря 1942 года.

Уже 25 ноября Гириг поставил Треппера перед выбором: либо он сотрудничает с немцами, либо его ждет смерть, обставленная так, будто бы он предатель. Под сотрудничеством

же немцы подразумевали не примитивную радиодезинформацию, а действительно большую игру с целью посорить СССР с союзниками. Но Треппер знал о патологической подозрительности советского руководства: малейший намек на тайные переговоры, допустим, Англии с Германией мог разрушить антигитлеровскую коалицию и изменить не только ход войны, но и ее исход. А мысль о том, что его будут считать предателем, была страшнее мучительной смерти.

И тогда Треппер пошел ва-банк. Он согласился работать с Гиригом, поставив одно условие: правила радиоигры должен устанавливать только он, пользуясь шифрами и каналами для передачи важнейшей информации. И Гириг позволил советскому разведчику отправить своим товарищам невинное сообщение: «Все хорошо, я вернусь через несколько дней» (на условном языке это означало: «Все плохо, я не вернусь»), а также шифровку в Центр с просьбой о встрече со связным французской компартии.

Когда Центр дал «добро», гитлеровцы ошались от счастья: еще бы, они наконец выйдут на коммунистическое подполье! Но в урочный час на встречу никто не пришел. Оно и понятно: сверхосторожный Треппер давно договорился с ФКП: никто не является по адресу, назначенному Центром, а приходит в другое, ранее оговоренное место, причем за 50 часов до времени «свидания». Таким образом, советская разведка и ФКП получили подтверждение, что Треппер арестован, но жив и ведет какую-то игру. Кстати эта ситуация породила обильную шифрпереписку между ФКП и Москвой по каналам связи Коминтерна. Хотя все признаки того, что Треппер арестован были налицо, существовали некоторые сомнения⁹⁸.

Ситуацию разрешил сам Треппер, который считал необходимым лично предупредить Москву, что он схвачен, а на некоторых передатчиках могут работать люди, не выстоявшие под пытками (как было отмечено выше так оно и было). Возник вопрос — как это сделать, если наблюдение за ним велось круглосуточно? Постепенно у Треппера созрело оригинальное решение. «Сославшись на скуку, он попросил немецкий словарь, карандаш и бумагу, чтобы совершенствовать свои знания языка. Просьбу удовлетворили, и охранники равнодушно взирали, как Леопольд прилежно исписывал листы и заучивал слова. И не заметили, что он на крошечном обрывке бисерным почерком

составлял донесение в Центр — вперемежку на трех языках (польском, идише и иврите) — и ловко прятал его в полую ножку кровати. Параллельно, сохраняя полное самообладание, Треппер с Гиригом обсуждал варианты большой игры и осторожно привел его к выводу: на связников ФКП должен выходить сам Треппер, ибо более никому они не поверят. И в конце января 1943 года было получено разрешение Берлина на прямой контакт Леопольда со связником — продавщицей в кондитерской, французской коммунисткой Жюльеттой Мусье, чтобы передать ей закодированную дезу. Гириг предупредил Треппера: „Если вы сбегите, все арестованные ‚оркестранты‘ будут казнены“. Ночью в канун встречи Большой шеф извлек свое донесение из „сейфа“ и сунул его в карман. Агенты гестапо окружили кондитерскую. Треппер передал Жюльетте обе записки, шепнув, что закодированный текст — работа немцев, а другой — его доклад Центру, и велел ей немедленно скрыться. Что Жюльетта и сделала»⁹⁹.

Информацию тут же передали в Москву. Однако подробности последовали значительно позже. Перевод сообщения Треппера занял длительное время (довольно экзотические для западных европейцев языки использовал советский разведчик), далее информация перепроверялась, наконец, 5 июня в Центр полетела телеграмма от Ива: «Нам стало известно, что Лео с ноября м-ца находится в руках гестапо, которое знает шифры его службы и переписывается с его ответственными. Это гестапо посылало явки для Мишеля, которые нам затем передавались. У гестапо вероятно имеются шифры всех служб в оккупированных странах и оно ведет переписку так, как если бы эти службы действительно регулярно функционировали. В скором времени сообщим Вам подробности по этому делу»¹⁰⁰. 7 июня Г. Димитров распорядился передать эту информацию начальнику ГРУ Ильичеву. 12 июня от Ива поступила дополнительная информация: «Отто, находящийся в руках гестапо и симулировавший перемену убеждений, передал это сообщение через представительницу торгового предприятия, которая поддерживала связь с одной из наших служб. Я просил Клемана ускорить отправку текста сообщения, несмотря на его большие размеры, так как оно содержит важные сведения. Принимаем меры к изоляции представительницы торгового предприятия во избежание слежки

и для устранения провокаторов, пытающихся связаться с нашими организациями якобы от имени различных служб»¹⁰¹. В тот же день Э. Фрид («Клеман») сообщил Димитрову, что Ив передал ему сообщение Треппера, которое содержит около 200 строк текста (русский перевод сообщения ещё более увеличился в объеме и насчитывал 240 строк). Сообщение содержало большое количество имён, и (в том числе тех, кто по разным причинам участвовал в немецкой радиогигре) французы заявили, что для полной передачи точного сообщения (а это было очень важно) потребуются 2–3 недели (перевод, шифрование, собственно передача). Наконец двумя частями 7 и 10 июля подробный отчет Треппера был направлен в Москву (см. рис. 6.). Эта информация немедленно была доведена до сведения Ильичеву¹⁰².

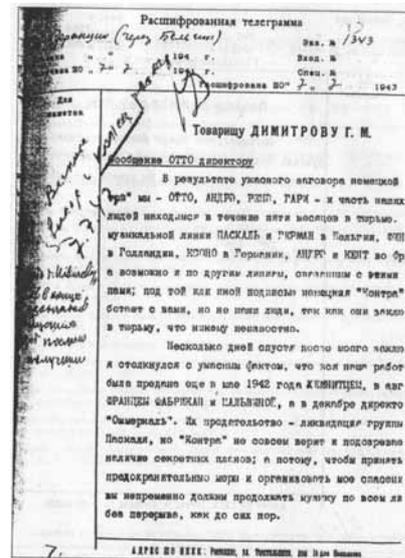

Рис. 6. Фрагмент сообщения Л. Треппера Г. Димитрову для передачи в ГРУ о провале его сети от 7 июля 1943 года.

Согласно воспоминаниям Треппера сигналом, того, что Центр получил его сообщение о работе должна стать радиogramма из Москвы, посланная 23 февраля с поздравлениями с годовщиной Красной Армии и его днём рождения.

Довольный развитием событий Гириг светился от радости, Треппер, напротив, очень переживал и практически лишился сна, думая: дошло ли до Центра его сообщение? 23 февраля 1943 года торжествующий Гириг принес радиogramму из Москвы: «Получили ваше сообщение, посланное через наших друзей. Будем надеяться, что положение улучшится. Считаем необходимым для вашей безопасности пре-

рвать связь до новых указаний. Поддерживайте контакт непосредственно с нами. Подробные директивы будут посланы позже»¹⁰³. Треппер понял: инициатива большой игры перешла в руки Центра. Отныне гитлеровцы могли от имени Треппера передавать любой бред, а Москве нужно было подыгрывать им, заодно требуя информацию о военных делах Третьего рейха. Немцы попали в свою собственную ловушку: дезинформацию в начале радиоигры запускать было нельзя, дабы не потерять доверие Москвы, и германский генштаб, «скрежеща зубами, предоставил совершенно секретные сведения»¹⁰⁴.

А тем временем, находящийся в застенках гестапо, «маленький шеф» — Гуревич был уверен, что Леопольд Треппер на свободе и наверняка сообщил в Центр об аресте Гуревича, так что урон от его вступления в радиоигру будет невелик. Разведчик рассудил так: «пользы от смерти — никакой, а вот если действовать умно, то помочь своей стране в ее борьбе с фашизмом он все-таки сумеет»¹⁰⁵.

О дальнейшем пребывании Гуревича в плену у нацистов рассказано в статье В. Литовкина: «Через много лет, когда в руках у Главной военной прокуратуры окажутся все допросы Гуревича в гестапо, все стенограммы его бесед с немецкими следователями и „куратором“ — шефом парижской зондеркоманды „Красная капелла“ криминальным советником Хайнцем Паннвицем (в июле 1943 года он сменил Гирига, умиравшего от рака горла. — *Авт.*), российские специалисты выяснят: Анатолий Гуревич не сдал ни одного известного ему человека, не сообщил гестапо ни одного факта, который не был бы известен фашистам до него, даже своей настоящей фамилии. Во всех документах, помеченных гитлеровцами словами „совершенно секретно“, он проходит только как Виссента Сиерра, уругвайский бизнесмен, симпатизирующий Советам и работающий на них.

Ни одной информации, которая ввела бы советское командование в заблуждение в отношении истинных намерений гитлеровцев и, кроме того, привела бы к потерям на фронте, из Парижа и Брюсселя не поступало... ГРУ еще в декабре 1942 года знало об аресте... Гуревича, об использовании в радиоигре гестапо старых шифров.

Все это изложено в „Заключении по уголовному делу Гуревича А. М.“, подписанном заместителем генерального прокурора СССР — глав-

ным военным прокурором генерал-лейтенантом юстиции Александром Катусевым 22 июля 1991 года...

В нем очень подробно, как может быть это сделано в таком специфическом документе, зафиксировано, что за время нахождения под немецким арестом... Анатолий Гуревич сумел распропагандировать своих „наставников и охранников“ и убедил их в том, что „советское правительство по достоинству оценит их работу на пользу Красной Армии“. Последний год своей радиоигры он передавал в Центр самую достоверную информацию из Генерального штаба вермахта, которую ему поставлял завербованный Хайнц Паннвиц, а после капитуляции Германии привез его с любовницей — Эмме Кемпа, радистом Германом Слука и чемоданом секретных гестаповских документов в Москву»¹⁰⁶.

Кстати помимо информации о своей работе (в том числе и списков немецких агентов, действующих на советской территории) ответственный сотрудник Главного Управления имперской безопасности Германии Паннвиц передал советской контрразведке вскрытый немцами код, использовавшийся в переписке между Черчиллем и Рузвельтом¹⁰⁷.

А что же Треппер? А Треппер продолжал искать связей с подпольем, для чего озвучил Гиригу следующую легенду, он заявил, что «у „Красного оркестра“, дескать, существует специальная группа контршпионажа. Что она собой представляет — неведомо даже ему, Большому шефу. Его задача — сообщать в Москву о кафе, парикмахерских, магазинах, которые он посещает, чтобы агенты этой группы могли наблюдать за ним. Отсутствие подобной информации — сигнал о провале»¹⁰⁸. Удивительное дело, склонные к порядку немцы разрешили Трепперу разъезжать по Парижу. При этом поначалу — всё же в сопровождении многочисленной охраны, но затем, когда Гириг уверовал в полную лояльность Треппера (гитлеровцы относились к нему с таким пиететом, что сами произвели его в генералы советской разведки!), — лишь под надзором водителя и охранника¹⁰⁹.

Между тем зондеркоманде под руководством нового начальника — Паннвица к сожалению удалось достигнуть существенного успеха. 13 августа 1943 года был арестован Фернан Пориоль (псевдоним «Дюваль») руководитель и организатор нелегальной радиослужбы ФКП. Кстати он был одним из тех людей, на встречу

с которыми Центр дал добро Трепперу, когда он уже был арестован, и только вышеуказанная предосторожность Леопольда помешала этой встрече. Увы! «Дюваль» очень много знал об организации шифрованной радиосвязи ФКП и советской разведки с Москвой. Фернана пытались, но он не заговорил¹¹⁰, однако гестаповцы захватили ещё одну рацию компартии и большое количество шифрованных радиogramм. Для их вскрытия были привлечены дополнительные силы криптоаналитиков. Обо всем этом советскому разведчику рассказал, курировавший лично его сотрудник зондеркоманды Вилли Берг. Треппер был в отчаянии: его донесение в Центр могло находиться среди попавших к немцам криптограмм, большая игра была на грани провала. Тогда Треппер решился бежать. Ему повезло, что Берг был не равнодушен к алкоголю, а с утра частенько страдал от похмелья. 13 сентября Треппер, как обычно, поехал в город, дабы «показаться агентам группы контршпионажа». Берг на удачу как раз находился в «нужном состоянии», и Треппер сказал, что знает прекрасное средство. Далее между ними произошёл примерно такой диалог: «А вот и аптека! Зайдем?». Охранник неожиданно ответил: «Идите один, я вам доверяю». Надо ли говорить, что Леопольд не оправдал его доверия. Лишь поздним вечером Паннвиц набрался мужества и позвонил в Берлин Мюллеру: «Не падайте в обморок, Треппер бежал». Глава гестапо сначала разразился отборной бранью, а потом удрученно вздохнул: «Как же я доложу об этом Гиммлеру?». Паннвиц посоветовал: «А ничего и не сообщайте ему». Мюллер, подумав, согласился, что это единственный способ избежать гнева Гиммлера и Гитлера. Те так никогда и не узнали о побеге главы «Красной Капеллы»¹¹¹. Вскоре Треппер встретился со связником ФКП и согласно своим воспоминаниям, выяснил, что руководство компартии решило не доверять радиоволнам его доклад, а переслало его с курьером через Лондон в Москву (хотя как мы знаем это было не так, но по крайней мере стало ясно, что текст доклада Треппера немцы не видели). Большую игру можно было продолжать. Что Леопольд и сделал. Он написал письмо Паннвицу, в котором объяснил: его исчезновение — не бегство. Якобы в аптеке к нему подошел человек из контрразведки, произнес пароль и предложил следовать с ним. Чтобы не поставить под удар радиоигру, Треппер подчинился. Позднее выяснилось, что Паннвиц поверил Леопольду,

но одновременно устроил на советского разведчика настоящую охоту¹¹².

Заметим что, Центр относился к деятельности Треппера с подозрением, ещё до его побега, после получения вышеупомянутого доклада во Францию, одному из руководителей ФКП Андре Иву (псевдоним «Дюкло») от имени Г. Димитрова полетела шифррадиограмма: «Прекратите всякие связи с представителями „друзей“ (так называли сотрудников разведки. — *Авт.*) в Париже. Сообщите об этом в Бельгию. Без нашей рекомендации ни с кем не встречайтесь, какие бы просьбы и кто бы то не был, не принимайте в расчет. Во всём этом деле „контры“ возможно есть товарищи у вас, которые должны быть изолированы, — немедленно. Будьте осторожны, при всяком подозрении отсекайте всех от ваших связей. Пересмотрите окружение и надёжность ваших радистов»¹¹³.

В ответ Ив доложил о выполнении указаний ИККИ и добавил: «Нам известно, что одна женщина „Милка“ ищет Жако (один из французских подпольщиков. — *Авт.*), которого мы не выдаём. Мы думаем, не эта ли женщина является агентом Контры, о которой Отто говорил в докладе»¹¹⁴. После побега Треппера подозрения только возросли. В принципе, руководство разведки можно понять: уже не раз гестапо организовывало «побеги», чтобы внедрить в движение Сопротивления своего агента. Сам Ив радировал в Москву: «Узнали..., что Отто, якобы бежал. Этот побег кажется нам подозрительным и мы приняли меры предосторожности»¹¹⁵.

Леопольд Треппер оказался в сложнейшем положении, но не стал отсиживаться в безопасном месте. С помощью Алекса Лесового, русского эмигранта-антифашиста, не связанного с «оркестром», он организовал службу наблюдения, которая фотографировала каждую машину, каждого человека, входившего или выходящего из дома зондеркоманды, и разработал дерзкий план: захватить Паннвица с компанией. Треппер создал ударный отряд из тридцати хорошо вооружённых людей и запросил у Центра разрешение на проведение операции. Москва промолчала. А тут — в августе 1944-го — восстал Париж, и Леопольд передал своих боевиков в распоряжение движения Сопротивления¹¹⁶.

К сожалению, судьба руководства «Красной Капеллы» сложилась трагически. В 1945 году и Треппер и Гуревич были обвинены в предательстве и посажены в тюрьму. Реабилитация состоялась лишь в середине 1950-х годов¹¹⁷.